

Сергей (Вождь)

3.07

Сергей (Вождь)

3.07

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

3.07 / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

Двенадцать лет Артём жил с тайной: в подростковом возрасте он убил отца, защищая мать от домашнего насилия. Всё это время прошлое преследовало его в виде мистических видений — голосов, оживающих предметов, зловещих знаков. Подвал дома, где спрятано тело, становится метафорой подавленной травмы. Преодолевая страх, сомнения и внутренний раскол, герой приходит к решению признаться в преступлении. Это напряжённая психологическая драма о вине и искуплении, где мистические элементы служат зеркалом душевной борьбы. Через символы застывшего времени, ключа и тьмы автор показывает путь героя от отрицания к принятию ответственности. Открытый финал оставляет надежду на исцеление.

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь)

3.07

Глава 1. Пробуждение в 3:07
Артём открыл глаза.

Тишина давила, будто свинцовая плита на груди. Ни шороха, ни дыхания — только тиканье, проникающее сквозь череп, как сверло. Он повернул голову. На стене — часы. Стрелки застыли на 3:07. Стекло покрыто паутиной трещин, а в центре — тёмное пятно, похожее на засохшую каплю... крови?

Он сел. Под ладонью — жёсткая ткань с обтрёпанными краями. Запах ударил в нос: дезинфекция, замаскированная под дешёвый ароматизатор с нотами лилий. Но за сладкой отдушкой — металлический привкус, как если бы он лизнул лезвие.

«Где я?..»

Комната узнавалась: диван из детства, книжный шкаф с трещиной (в семь лет запустил мячом). На стене — фотография в рамке: он, мать, отец. Все улыбаются. Ещё не знают.

Только лицо матери... размыто. Как если бы кто-то тёр его ластиком, оставляя лишь контуры губ и один глаз. И глаз шевелился, следя за ним.

Тик-так.

Часы били: один удар, тишина, ещё удар. Звук шёл изнутри, будто кто-то стучал по рёбрам. Артём прикоснулся к груди — пульс совпадал с тиканьем. Или это не его пульс?

Из коридора донёсся скрип — медленный, тягучий, как если бы кто-то провёл когтем по стене. Дверь в коридор сама закрылась с щелчком затвора. Когда он открыл её, в проёме стояла тень — длинная, изогнутая, с лицом, полным слишком многих зубов. Зубы щёлкали, будто перемалывая воздух.

— Ты знаешь, что сделал, — прозвучало в голове, голос шёл изнутри, как червь, прогрызающий кости.

Артём отшатнулся. На ладони — царапина, свежая, словно от когтя. Кровь не текла — рана была сухой, как если бы её выжгли. Он посмотрел на фотографию. Лицо матери стало ещё менее чётким — теперь видны только губы. Они шевельнулись, беззвучно произнеся: «Вспомни».

Воспоминание вспыхнуло:

кухня, он — маленький, рисует на столе;

мать ставит перед ним стакан молока (на стекле — пузырьки, как маленькие глаза, и каждый смотрит на него);

отец в дверях, хмурится: «Опять эта мазня...»;

за спиной матери — тень. Она тянется к его альбому, но мать резко захлопывает дверь, крича: «Не смотри!»

Образ оборвался. Тень заслонила окно, растянулась по полу, как чёрная лужа. Артём почувствовал, как холод поднимается по ногам, проникает в вены. Он моргнул — и видение исчезло.

Он подошёл к кофейному столику. На нём — чашка с остатками чая (на стенках — бурые разводы, похожие на засохшие следы пальцев), газета (дата размыта, буквы плывут, складываясь в бессмысленные символы), а рядом — детский рисунок.

На бумаге — дом, три фигуры (он, мать, отец), а рядом — тёмный силуэт с длинными руками. Под ним надпись, кривоватая, детская: «Оно приходит в 3:07». Буквы пульсировали, как живые.

Тик-так.

Часы снова бьют. Один удар. Один. Один. Звук резонировал в черепе, заставляя зубы скрипеть.

Артём прижал ладони к ушам. Но звук не исчез — он вибрировал в костях, проникая в мозг, как игла.

Из-за двери ванной донёсся стук — как будто кто-то постучал костяшками пальцев. Один раз. Потом — пауза. И снова: один удар. В ритме, совпадающем с его пульсом.

Он обернулся. Фотография на стене пульсировала. Из пустого овала сочилась тёмная жидкость — густая, как смола, с металлическим отблеском.

— Ты спрятался здесь, — прошептала тень из угла. — Но я — это ты. Голос звучал одновременно в голове и в комнате, как эхо из параллельного мира.

Артём сделал шаг к двери. Ручка покрылась инеем, под пальцами — чешуя. Кожа на руках начала трескаться, обнажая тёмные нити под ней. Он ударил плечом — дверь распахнулась, но за ней оказалась кухня из воспоминаний.

На столе — стакан молока. На стене — фотография, где мать полностью исчезла. Перед раковиной стоял мальчик — бледный, с тёмными нитями под кожей. Нити пульсировали, извиваясь, как черви.

— Ты долго сопротивлялся, — сказал он. — Но время вышло. Голос мальчика звучал как его собственный, но с хриплым, нечеловеческим призвуком.

В его руке — ржавый ключ с зубцами, как когти. На металле — бурые пятна, похожие на высохшую кровь.

— Это твой ключ. От двери, которую ты запер. Ключ дрогнул, будто пытался вырваться из ладони.

Тик-так.

Часы на стене вращаются в обратную сторону. Цифры стираются, оставляя лишь 3:07. Стрелки начали изгибаться, как будто их тянули невидимые нити.

Артём посмотрел на свои руки. Кожа прозрачная, под ней — тёмные нити. Они шевелились, пробираясь к венам. Он почувствовал, как его память растворяется, как чернила в воде.

Фигура мальчика сделала шаг вперёд. Это — его лицо, но с пустой улыбкой. Глаза были чёрными, без зрачков.

— Добро пожаловать домой. Голос прозвучал в голове, как последний удар часов.

Глава 2. Следы

Артём стоял на коленях перед кухонным линолеумом, пальцы впивались в край покрытия. Сердце колотилось так, что в висках пульсировало — будто кто-то стучал изнутри, отсчитывая ритм чужой воли.

«Там должно быть... должно...»

Он рванул край линолеума. Материал закрипел, как будто сопротивлялся, но не поддавался. Тогда он сунул пальцы под кромку и потянул изо всех сил. Край отошёл с влажным чпоком — звуком, похожим на разрыв кожи.

Под ним — тёмное пятно. Не кровь. Просто старое загрязнение. Но в полумраке... оно дышало. Чуть заметно, как если бы под поверхностью шевелилось что-то живое.

Он зажмурился. В памяти — яркая вспышка: нож, удар, алая дуга в воздухе. Запах железа ударил в ноздри, хотя в комнате пахло только пылью и чем-то сладковатым, как разлагающиеся цветы.

— Нет, — прошептал он. — Это не я.

Но руки сами потянулись к полу. Он провёл пальцами по пятну. Сухие. Холодные. Никаких липких следов. Только ощущение, будто кожа на пальцах стала тоньше, будто стирается.

«Я вымыл всё. Я всё вымыл».

Он схватил телефон. Экран засветился бледным светом, как будто изнутри горел холодный огонь. 23 пропущенных от мамы.

Дрожащими пальцами набрал номер.

— Абонент недоступен, — пропел механический голос. Звук шёл не из динамика — он звучал прямо в голове, как если бы кто-то шептал в ухо.

Ещё раз. И ещё. Тот же ответ.

В голове — шёпот:

— Она ушла. Она знает.

Артём обернулся. В дверном проёме — силуэт. Высокий, плечи широкие. Отец. Но контуры расплывались, как если бы фигура состояла из дыма.

— Папа?..

Фигура растаяла. Только тень на стене — слишком длинная, будто не от лампы. И она двигалась. Медленно, как если бы ползла по штукатурке.

И вдруг — голос:

— Ты думал, это закончится?

— Кто здесь?! — выкрикнул он.

Тишина. Но тишина была налитой, как будто в ней копилось что-то.

Потом — другой голос, детский:

— Ты спрятал нож. Но он всё ещё пахнет.

— Замолчите! — закричал он.

Третий голос, низкий, как из колодца:

— Посмотри под столом.

Он медленно повернулся. Под кухонным столом — тёмный угол. Там что-то блеснуло. Как если бы капля ртути отражала свет, которого не было.

Нож.

Лезвие покрыто бурыми разводами. На рукоятке — его отпечатки. Но они двигались. Пальцы на следах чуть шевелились, как если бы пытались стереть сами себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.